

<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/cont.htm>
<http://mbiomorph67.ru/N-85-html/TITL-85.htm>
<http://mbiomorph67.ru/>

<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/cont.htm>
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-85-html/TITL-85.htm>
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/TITL.HTM>

**Международная научно-практическая конференция,
посвященная 80-летию Великой Победы и увековечению Памяти 7303
воинов-красноармейцев, расстрелянных и замученных в душегубках,
умерших от ран, болезней и тяжелейших условий содержания в
лазаретах немецких лагерей военнопленных ДУЛАГ 240 и ДУЛАГ 126 в
1941-1943 годах, располагавшихся на территории Медгородка и
Областной больницы г. Смоленска и захороненных в Братской Могиле
№ 16-19 по проезду Маршала Конева**

Материалы конференции

УДК 656.11

ЭТО ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ. ВОСПОМИНАНИЯ М. М. КАЗИМИРОВА О СМОЛЕНСКИХ ЛАГЕРЯХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

© 2025 г. Амелин С. А.

Статья посвящена рассмотрению воспоминаний бывшего военнопленного М. М. Казиминова как источника важной информации о пересыльных лагерях военнопленных, находившихся в Смоленске, о жизни и быте военнопленных, о назначении объектов «Большого» лагеря, о побегах и связях с подпольщиками.

Ключевые слова: *военнопленные, Лагерь № 126, «Большой» лагерь, сыпной тиф, лагерная полиция, РОА, подпольщики, побег.*

В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (бывшем партийном архиве) хранится очень интересный документ – воспоминания М. М. Казиминова [1], командира Красной Армии, попавшего в плен в районе Можайска в октябре 1941 г., этапированного в смоленский пересыльный лагерь военнопленных Дулаг 126, пробывшего там практически все время оккупации и бежавшего во время эвакуации лагеря в сентябре 1943 г. Как следует из архивных документов, эти воспоминания были созданы в 1963 г. в ходе переписки с научным сотрудником Партийного архива

Смоленской области Леонидом Васильевичем Котовым, автором многочисленных публикаций о смоленских партизанах и подпольщиках. Блок документов состоит, собственно, из воспоминаний и нескольких писем, в которых М. М. Казимиров по просьбе Л. В. Котова уточняет и дополняет исходный текст.

Эти воспоминания содержат массу подробностей о лагерях военнопленных в Смоленске. М. М. Казимиров побывал во всех трех смоленских лагерях Дулага 126, сначала в «Южном», потом в «Большом» и еще некоторое время в «Малом» (во время болезни тифом). Он подробно описывает устройство лагеря, жизнь и быт военнопленных, попытки связаться с партизанами и подпольщиками, побег из лагеря. Воспоминания содержат даже план лагеря с указанием назначения тех или иных объектов. Но эти воспоминания так и осели в архиве и лишь почти через 50 лет, в 2022 году впервые были опубликованы в журнале «Край Смоленский» [2].

Стоит отметить, что в этих воспоминаниях достаточно часто используются идеологические штампы, они написаны в несколько патетическом стиле, нарочито подчеркивающим патриотизм М. М. Казиминова и его товарищей по плену, их непримиримость и нежелание сотрудничать немецкими захватчиками, их агитационную работу, связи с подпольщиками, организацию побегов товарищей. Причем как-то особо выделяется работа по разоблачению немецкой версии расстрела польских офицеров в районе Катыни.

Такой стиль изложения можно понять. В годы войны к попавшим в плен относились практически как к изменникам Родины. Мало того, что они должны были пройти фильтрационную проверку, так еще дальнейшую службу продолжали в штурмовых батальонах, которые являлись несколько смягченным вариантом печально известных штрафбатов. И только искупив вину кровью или доблестью, полностью восстанавливались в правах и продолжали службу в обычных частях. Но даже после войны к бывшим военнопленным было настороженное отношение. Заполняя анкеты, они были должны указывать, что находились в плену. С такой анкетой во многие места просто невозможно было устроиться на работу. Фактически им долгое время, начиная с фильтрационной проверки, приходилось доказывать, кто в плену они ничем себя не запятнали. Наверняка следователи задавали им массу вопросов, в том числе и о том, что было слышно о Катынском расстреле. Многократное возвращение к этой теме, вероятно, и создало более поздние наслоения, которые нашли свое отражение в воспоминаниях. Это, увы, вполне типичное явление для мемуаров и его приходится учитывать при работе с воспоминаниями как с историческим источником.

Для этой публикации исходный текст воспоминаний пришлось существенно переработать в плане компоновки, поскольку в исходном варианте иногда нарушалась хронологическая последовательность изложения, много абзацы пришлось менять местами, добавлять информацию из

уточняющих писем и в то же время сократить общий оъем (полный вариант можно посмотреть в [2]). Однако стиль изложения и все авторские мысли остались нетронутыми.

Немного об авторе воспоминаний. Михаил Михайлович Казимиров родился 07.11.1914 г. в селе Балхуны Владимирского района Астраханской области. Призван на воинскую службу 20.11.1932 г., поступил в военное училище. Войну начал старшим лейтенантом. После освобождения из плена героически воевал, дважды был ранен, награжден медалью «За оборону Москвы» (24.07.1945 г.), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги» (06.11.1945 г.). После войны награжден орденом Красной звезды (07.05.1970 г.) и орденом Отечественной Войны I степени (06.04.1985 г.).

Бои на московском направлении

В августе 1941 г. 32 стрелковой дивизии выехала с Дальнего Востока на Запад, на Волховский фронт.

В это время я занимал должность адъютант старший (позже эта должность называлась «начальник штаба») 2 стрелкового батальона 17 стрелкового полка. В районе Волхова наш полк вел оборонительные бои в течение сентября месяца 1941 года.

Когда фашистская армия сосредоточила силы с задачей нанести удар на Москву, в конце сентября 1941 года 32 стрелковая дивизия была переброшена в Можайск, где вела тяжелые бои на знаменитом Бородинском поле. В этих тяжелых боях я был тяжело ранен, и оказался в плену у фашистов. Примерно с 13 октября 1941 года начались страшные мучения плена, но я верил в силы советского народа, верил, что фашизм будет раздавлен.

В городе Можайске примерно 16 октября 1941 года фашисты собрали около 3 тысяч военнопленных и этапом погнали в направлении города Гжатск. Гнали фашисты всех: и раненых, и здоровых. Как только вышли за черту города, так конвой фашистов начал отстающих раненых расстреливать. Дороги покрылись трупами. В районе деревни Уваровка стало смеркаться, переводчик сообщил, что немецкое командование приготовило ночлег и ужин для русских военнопленных. Совсем стало темно, мы увидели, что со всех четырех сторон загорелись фары. Когда рассмотрели, оказалось, что это танки фашистов оцепили нас кольцом и стали охранять. Что характерно в этой охране, фашисты начинали с танков вести огонь из пулеметов и пушек по военнопленным, если те пересекали луч прожектора и фар.

На другой день только начало светать, фашисты продолжали конвоировать военнопленных, они торопились, чтобы мы не могли увидеть, сколько людей было уничтожено за ночь.

Колонна военнопленных тронулась, и путь до города Гжатска устилался трупами военнопленных. Мало того, что конвой расстреливал всех

отстающих, но еще пришли на помощь фашистские танкисты, которые сидели на башнях танков и стреляли в двигавшуюся колонну.

В районе г. Гжатска был лагерь военнопленных. В нашей колонне из 3000 человек на место прибыло примерно 1500. Стало темнеть, нас загнали в лагерь, который был опутан в четыре-шесть рядов колючей проволокой. В этом лагере было два барака. Оба они были забиты ранеными, а здоровые находились на дворе. Всего военнопленных было примерно 6–7 тысяч.

Дождь и холод заставил часть военнопленных залезть на чердак барачков. Я вместе с контуженым начальником штаба 17 стрелкового полка 32 стрелковой дивизии тов. Бородиновым Е. тоже от холода и дождя забрались на чердак и расположились около слухового окна. Примерно в 23:00 потолок барака обрушился на раненых, поднялся ужасный крик, а фашисты начали стрелять из пулеметов зажигательными пулями и бросать гранаты в барак. Барак деревянный вспыхнул, как спичка, и сгорел вместе с ранеными.

Утром рано прибыл новый конвой фашистов. Срочно вывели всех военнопленных, кто мог двигаться, и этапом погнали в г. Вязьму. Колонна была примерно 4,5–5 тысяч. Путь от Гжатска до Вязьмы был усеян трупами. До места назначения добралось примерно 3–4 тысячи военнопленных.

В лагере военнопленных в г. Вязьма (хлебзавод) скопилось примерно тысяч 9–10 военнопленных, это был ад. Холод, голод, воды нет. Немцы привезут бочку воды, поставят на середине лагеря, военнопленные кинутся на бочку, чтобы глоток воды достать, а фашисты открывают по ним огонь из пулеметов. В отношении баланды-пищи и думать не приходилось.

Мы вместе с Бородиновым прожили в этом аду два дня, потом пошли к русскому коменданту и сообщили, что мы командиры Красной Армии. Он сразу перевел нас в лагерь командного состава в другое здание, на чердак. Это было в конце октября месяца.

Через день нам объявили, что отправят на машинах в Смоленск, нас вывели на шоссе, идущее на этот город, но машин не было. Мы ждали в овраге, где и увидели около 80–100 человек замерзших военнопленных, а когда присмотрелись, то обнаружили, что они были расстреляны в затылок. Немцы нас сразу вернули в лагерь, а через два дня все-таки погрузили на машину и отправили в г. Смоленск.

Первые дни в Смоленске

Примерно 1 ноября 1941 года мы оказались в г. Смоленске в лагере военнопленных, который размещался в подвале педагогического института. Здесь нас стали кормить, давали примерно 200 грамм хлеба и кружку баланды, но эта пища не обеспечивала питание даже наших вшей, которые грызли нас. Командного состава в этом подвале было примерно 80–120 человек. Вши заедали, началась дизентерия, распространялся сыпной тиф, отдельные товарищи стали умирать.

Я познакомился с одним интендантом тов. Шумковым и мы с ним решили уйти из лагеря на какие-нибудь работы. На наше счастье пришел русский полицейский и взял нас дрова пилить в какой-то штаб воинской части. Проработав там до 15 декабря 1941 года и избавившись от вшей, голода и холода, мы решили бежать, но нас кто-то из военнопленных предал.

Фельдфебель Краузе избил меня и Шумкова палкой и нас посадили в отдельные камеры. Немцы-охранники жестами показывали, что как только солнце скроется, так нас расстреляют.

Солнце село, и мы под конвоем отправились в лагерь военнопленных №126, где нас с Шумковым посадили в бункер. В бункере сидело еще четыре человека, которых в 5 часов утра увели и расстреляли. Нам сообщили, что расстреливают по утрам, нам оставалось ждать утра следующего дня.

В лагере №126

В 12 часов дня бункер открыли, нас прикладами выгнали оттуда и повели в комендатуру, где переводчик спросил: «Что, вы офицеры?» Мы ответили: «Да», и с конвоем были отправлены в барак для военнопленных офицеров. Переночевали там, и нас начали вербовать в Русскую освободительную армию к Власову.

Мы отказались, а на третий день сбежали из барака офицеров и устроились работать – строить баню с дезкамерой для военнопленных. Возглавлял строительство тов. Шацкий И., зав. баней, а инженером был тов. Семеновский Виктор, он же и прораб.

Во время строительства в лагере №126 бани с дезкамерами нам удавалось под конвоем выходить из лагеря за песком. Выход был таков: 6–8 человек запрягаются в двуколку и едут за глиной и песком. В это время нам удавалось встречаться с населением, у которого мы узнавали, как они живут и как немцы относятся к ним. Собрав такие сведения, мы делились ими с военнопленным, которые работали на строительстве бани. Параллельно с этим, рассказывали населению, что в лагере №126 военнопленные находятся в ужасных условиях, ежедневно умирает по 80–100 человек, свирепствует дизентерия, сыпной тиф. Немцы и полицаи на глазах избивают и убивают дубинками военнопленных. Чтобы получить кружку баланды, ты должен был пройти через полицаев, которые били резиновыми палками военнопленных. Некоторые, особенно больные, сразу после ударов теряли сознание, а полицаи открывали люки для водопровода и бросали их туда вниз головой и закрывали люк. В общем, живьем хоронили.

Примерно числа 10 января 1942 года мы закончили строительство бани и дезкамеры. Штат бани был примерно таков: заведующий баней Шацкий; врач бани Иван Иванович (фамилию не помню); инженер бани Ибрагимов; прораб бани Семеновский В; старший слесарь Юрьев Алексей и с ним 4 слесаря.

Начали пропускать через баню и дезкамеру военнопленных. Вот здесь мы увидели, какую цивилизацию немцы несут на Восток. Мимо нас проходили живые трупы, т.е. на кости натянута только кожа, человек был покрыт вшами, одежда, начиная с белья и кончая шинелью, также была покрыта вшами. Парикмахеры стригли волосы у военнопленных, а с ножниц текла кровь. Мы принимали одежду и вешали ее в дезкамеру, чтобы убить вшей, а военнопленных пропускали в баню. Через 20–30 минут уже, с другой стороны, вынимали одежду из дезкамеры и выдавали военнопленным.

Числа 15 февраля 1942 года я заболел сыпным тифом, меня положили в изолятор, а на другой день отправили в лагерь смерти. Так называли лагерь, который был расположен в городе у оврагов примерно 2–3 километра от лагеря №126 вглубь города Смоленска. Помню только, что этот лагерь обнесен колючей проволокой и людей почти не видно было, а когда меня завели в барак, то нары были забиты больными военнопленными, и в коридоре лежало 15–20 трупов. Меня положили на вторые нары, где я пробыл примерно 10 суток. Короче говоря, я лежал среди трупов. Мне стало легче, но болезнь отразилось на ступнях, т.е. я не мог двигаться, пришлось ползать на коленях к параше и к санитару за баландой.

Я стал думать, как же уйти из этого кошмара и попасть обратно в лагерь №126. Поговорил с санитаром (помню, что он был из г. Ростова-на-Дону), он узнал, что через день будут отправлять военнопленных в лагерь. Но только тех, кто ходил на ногах, а я ползал. Тогда я попросил санитаря барака, чтобы он сказал коменданту лагеря, что у него офицер в бараке.

Комендант на другой день выстроил человек 8–10 военнопленных для отправки в лагерь №126 и приказал им взять меня под руки и вести. Когда я повис у них на плечах, то попросил не бросать меня, потому что немцы сразу расстреливали больных на месте. Преодолевая собственную боль, военнопленные, все же проявили сердечность ко мне, и мы благополучно достигли лагеря.

Нас сразу отвели в баню. Меня там ребята узнали, обрадовались, что я вернулся живой из лагеря смерти и уговорили тов. Шацкого и тов. Семеновского, оставить меня в бане. Я у них провалялся 4–5 дней на нарах, ноги и ступни начали отходить. Стал передвигаться, держась за стенку, и вышел на работу дезинфектором.

Через баню и дезкамеру мы пропускали всех военнопленных лагеря №126, и здоровых, и больных. Чувствовалось, что баня и дезкамера оказала большую помощь военнопленным по уничтожению вшей, но голод и холод в бараках, а также дизентерия косила военнопленных страшно. Особенно в бараках, где лежали больные. Похоронная команда не успевала вывозить трупы на братские могилы, которые были вблизи лагеря №126. Примерно 70–100 человек ежедневно погибали. Трупы военнопленных складывали штабелями, как лес, в ямы размером примерно до 10x20 м и глубиной по 4 м. Таких ям было примерно 10.

Приблизительно в апреле 1942 года через баню и дезкамеру стали пропускать военнопленных, которые работали в отдельных хозяйствах, гражданское население, которое угоняли в Германию, а также вновь прибывающих военнопленных.

Все работники бани, дезкамеры и санитарной части, которая находилась при бане, интересовалась вопросами, как и где стоит фронт, какие успехи Красной Армии, особенно на центральном фронте, где и как действуют партизаны, как действует корпус тов. Белова и т.д.

За эти вопросы тов. Шумкова из прачечной немцы увели и больше мы его не видели. Этот факт нам подсказал, что нужно смотреть в оба, среди нас есть стукачи.

При работе в грязном отделении дезкамеры я нашел клочок топографической карты район г. Белый Смоленской области, где была нанесена линия фронта и расположение огневых точек немцев и Красной Армии. Я достал бумаги, карандаши и увеличил этот клочок в несколько раз, нанес всю обстановку, где проходит фронт, где огневые точки, а затем спрятал в нарах.

Дня через два собрались в комнате зав. бани (в бараке было отгорожено место, которое мы называли комнатой). Нас было несколько человек: Мартыросян Миша – врач, Котевко Иван Иванович, военврач II ранга – от прачечной, Юрьев Алексей – старший сержант от котельной. Семеновский Виктор – прораб. Я сказал, что нашел карту одного района боевых действий Красной Армии. Все при свечке посмотрели, и сразу пошел разговор о Красной Армии, о ее успехах.

Наша группа

После этого случая все вышли с хорошим настроением и стали своим ближайшим товарищам рассказывать, что видели карту с обстановкой фронта в районе г. Белого и с огневыми точками, которая показывала преимущество наших перед немцами. Таким образом стихийно создалась группа единомышленников-патриотов своей Родины, которая в дальнейшем всеми средствами вела борьбу за спасение военнопленных, рассказывала об успехах Красной Армии, о действии партизан в Смоленской области, о действии корпуса генерала тов. Белова, о зверствах немцев, которые творили на Смоленщине, о Катынском деле и т. д. Вели пропаганду, чтобы мирное население, которое проходило через баню лагеря №126, не выезжало в Германию.

Эта группа единомышленников-патриотов Родины официальных заседаний не проводила, потому что мы все могли быть уничтожены, так как кругом полиция, немцы, жестокий режим и стукачи.

Я убежден, что всем моим товарищам не требовалось давать указания, они сами понимали, что каждый на своем участке должен работать и

способствовать быстрейшему разгрому немецкой армии и спасению военнопленных.

Тов. Шацкий Алексей Тимофеевич, блондин, русский, среднего роста, по-моему, из Воронежской области, работал заведующим баней лагеря №126, пользовался доверием у немецкой комендатуры и большим авторитетом у врачей-военнопленных, мы его уважали. Большую работу проделал при организации строительства бани и дезкамеры. Требовал от работников не обижать военнопленных, особенно больных и раненых, следил, чтобы дежурный врач оказывал по мере возможности медицинскую помощь больным и раненым военнопленным при прохождении бани и дезинфекции. Когда ввели в строй прачечную, требовал, чтобы в бане проводили замену белья, доставал и выдавал одежду военнопленным, у которых ее не было. Тов. Шацкий посещал все бараки в лагере и нам рассказывал, в каких условиях содержатся военнопленные, договаривался с главным врачом лагеря сделать дезинфекцию или вне очереди пропустить тот или иной барак через баню. Договаривался с кухней, чтобы они давали оставшуюся баланду-пищу военнопленным, которые работали в бане, потому что работали они там по 12–18 часов. Я сам несколько раз ходил за баландой и раздавал ее. Тов. Шацкий свободно ходил по лагерю и частенько бывал в г. Смоленске, где доставал трубы и другие детали по оборудованию котельной. Раза два, и я ходил с ним за трубами, но нас охранял полицей-переводчик.

По-моему, в конце 1942 года тов. Шацкого освободили из лагеря №126 на волю, и он где-то работал в Монастырщинском или Духовщинском районе. Я его после этого видел только один раз, он нам передал медикаменты и продукты.

Юрьев Алексей, русский из Воронежской области, блондин, среднего роста. Работал по монтажу котельной в бане, после – дежурным кочегаром у котла. Проявлял заботу о военнопленных, следил, чтобы оборудование было в котельной исправно и всегда было готово к работе. Принимал активное участие в выяснении дел на фронте, успехов Красной Армии и сообщал все новости нам. Особенно он вел пропаганду среди гражданского населения, которое отправляли в Германию. Его котельная была около бани, и он через загородку контролировал воду, в это время и пропагандировал.

Был случай, что при разговоре с одной женщиной в бане, он узнал ее фамилию и сказал, что у нас в строительном бараке есть военнопленный с такой же фамилией. Когда об этом сообщили военнопленному, то оказалась, что это его жена, т.е. встретились муж с женой. Жена отказалась ехать в Германию, поднялся шум, у немцев переполох, этот факт послужил наглядной агитацией, чтобы не выезжали в Германию.

Тов. Юрьев, как слесарь, периодически посещал г. Смоленск, где доставал детали для котельной. Там он познакомился с тов. Аверченко Аней, Карповой Марией и еще какая-то женщиной, которая живет в том же районе, где и тов. Аверченко и Карпова.

Тов. Юрьев по моей просьбе раза два-три брал меня с собой в город под видом слесаря, где он познакомил меня с этими женщинами. По возвращении тов. Юрьев Леша сообщал нам новости о партизанском движении, о делах в городе, о настроении немцев, ну а мы в свою очередь распространяли эти новости среди военнопленных. До эвакуации он находился в лагере, а после я его не встречал и судьбу его не знаю.

Семеновский Виктор – русский, москвич, как будто, инженер-строитель, высокий ростом, работал прорабом по строительству бани и дезкамеры. Из всех сил старался скорее построить баню и тем самым создать условия для спасения военнопленных. Проявлял заботу о строителях, следил, чтобы они жили в тепле. С его помощью они получили матрацы, набитые соломой.

Часто находился среди военнопленных, узнавал новости на фронте. Вскоре тов. Семеновский ушел в ансамбль песни, который организовали немцы. Этот ансамбль исполнял русские народные песни, которые воспевали Россию, тов. Семеновский пел басом. Видно, репертуар этого ансамбля не понравился немцам, и его разогнали. После этого я слышал, что тов. Семеновский строит такую же баню в госпитале военнопленных в г. Смоленске. После он организовал побег из госпиталя и дальше судьбу его не знаю.

Мартыросян Миша – врач при санчасти военнопленных, маленький ростом, усы носил. Родом из Воронежа, как будто, армянский язык не знал. Это был душа-человек для военнопленных, отдавал все свои знания и силы, чтобы оказать помощь больным и раненым по восстановлению их здоровья. В любое время его можно было увидеть с больными несмотря на то, что не было никаких условий для работы. Принимал все меры, чтобы достать медикаменты. Когда проводили мытье и дезинфекцию военнопленных, он рассказывал об успехах Красной Армии, о фальсификации Катынского дела, о казнях партизан, об уничтожении немцами партизанских деревень и т.д. Особенно проявлял он усилия по сбору сведений об успехах Красной Армии у военнопленных, которые поступали с фронта. Чтобы получить эти сведения, он в санчасти держал целыми часами отдельных офицеров и вел с ними беседу. При его участии был устроен побег французского летчика, после чего все участники нашей группы развернули пропаганду среди военнопленных, что, вот мол, француз не покорился немцам и убежал из плена, мы должны брать пример с французов и т.д. Можно сказать, что это был врач-патриот.

Примерно в мае или июне 1943 года наш Миша исчез ночью из лагеря 126. По слухам, его в гестапо расстреляли. Мы за него очень переживали, но борьба требовала определенных жертв. И наш дорогой Миша во имя Родины отдал свою жизнь.

Митин Виктор по прозвищу Пацан. Ленинградец, русский, лет 18–19 ему было. В 1941 г. работал кочегаром в котельной бани. Он всегда был среди военнопленных, когда производили мытье и дезинфекцию, выяснял и уточнял успехи Красной Армии и рассказывал, как в лагере повесили партизан, как

немцы устроили богослужение среди военнопленных. Особенно разоблачал немцев, что они, немцы, говорили военнопленным, что бомбили лагерь военнопленных советские самолеты. Виктор же говорил, что брешут немцы, бомбили лагерь немецкие самолеты, он видел на них кресты, и зенитки немецкие не стреляли по ним, таким образом, это немцы устроили провокацию и убили его друга Новосибирского, когда они с ним бежала вместе в укрытие. При эвакуации лагеря 126 мы с Виктором стали в один строй и когда нас погнали через город, я ему отдал вещевой мешок и сказал: «Виктор, до свидания, я бегу». Он не успел мне ничего ответить, я прыгнул в подвал разрушенного здания напротив гостиницы. Больше я его не видел и не слышал про него, где он и какая его судьба, мне неизвестно. Это был настоящий комсомолец, предан Родине.

Чернокульский Костя – высокий, блондин, родом из Томска работал со мной дезинфектором, в свободное время от работы занимался на чердаке сапожничая, производил мелкий ремонт военнопленным, которые ходили в город работать. Всегда имел курево – угощал полицаев, которые дежурили у барачников, а они его пускали в барак, где он собирал новые сведения об успехах Красной Армии, о партизанских действиях, что в городе нового, какие части немецкие прибыли в Смоленск, как идут раскопки поляков в катынском лесу и т.д. А военнопленным рассказывал наши сведения, которые мы получили из своих источников. Мы с ним работали в одной смене, и он у меня спросил разрешение, чтобы в ближайшее время ему сходить на работу по раскопке поляков в Катынском лесу. Я ему ответил «Подожди, я подумаю». Поговорил с Мишей Мартыросяном и Юрьевым, они согласились, и я ему дал согласие и поставил перед ним задачу выяснить все подробно. Наш Костя все выяснил и принес вещественное доказательство – хромовые сапоги, которые снял с поляка, когда откапывали трупы. Сапоги новые, так что гебельсовская пропаганда была перед военнопленными разоблачена, убийцами поляков были немцы.

Иван Кузьмич – военврач II ранга, фамилию не помню. Русский, русый, шевелюра красивая, прибыл в лагерь из состава корпуса тов. Белова. При появлении его в бане дежурным врачом, он рассказывал нам, как корпус генерала Белова громил тылы немцев. Подробно рассказывал о перспективах Красной Армии и разгроме немецких армий под Сталинградом. Все эти сведения вечером почти наши товарищи разнесли по баракам. Конечно, нельзя представить, что эту работу проводили открыто, все это делалось в глубокой тайне. Позже мы рассказывали, как Красная Армия разгромила немцев под Сталинградом. Немцы на комендатуре лагеря военнопленных вывесили знамена в трауре, а полиция и немцы на рукавах тоже носили траур.

Кузьмич проявлял большую заботу о состоянии здоровья военнопленных, они вместе с тов. Мартыросяном проводили работу с военнопленными, особенно уделял внимание медицинскому персоналу, который находился в бараках больных.

Зубной врач (Рыжий), фамилии не помню. Работал вместе с Мишей Мартыросяном и выполнял те задачи, которые требовала обстановка. Большую заботу проявлял при лечении военнопленных.

У меня о медицинском персонале, которые обслуживали заключенных лагеря №126, осталось очень хорошее впечатление. Они проделали громадную работу по спасению военнопленных, которые потом снова служили в рядах Красной Армии и громили фашизм.

Медицинский персонал не только спасал военнопленных, но и вселял им дух победы, рассказывал о силе Красной Армии, о её инициативе на фронте. Главный врач лагеря №126 (я его фамилии не помню), ходил в очках, сутулый, Мне кажется, что он ставил перед собой задачу не только спасти-сохранить военнопленных, но и доводить до их сознания, что это временный успех немцев, Красная Армия перейдет в решающее наступление и немцы будут разгромлены. Врачи также вели пропаганду, чтобы мирное население не выезжало в Германию.

Часть врачей присутствовало на раскопках полей в Катынском лесу. Они прямо говорили, что это гебельсовская пропаганда. Я имею в виду главного врача, а также и других медработников.

Товарищи Аверченко Аня и Карпова Мария – это две подруги, с которыми меня познакомил тов. Юрьев Алексей. Это скромные женщины, которые очень тяжело переживали оккупацию города. Они видели, как немцы издевались над военнопленными и мирным населением. Жили они в районе тюрьмы. Они оказывали нам большую помощь, добывали необходимую информацию о положении в городе, помогали переправлять к партизанам бежавших военнопленных. Подробнее об их деятельности расскажу ниже.

Считаю, что тов. Карпова и Аверченко выполнили свой долг перед Родиной как патриоты. На протяжении нескольких месяцев они информировали военнопленных о всех событиях, которые происходили в Смоленске и оказали нам огромную помощь.

Парикмахеры бани Иван Михайлович Мухин из-под Москвы и Вася (фамилию не помню) из г. Таганрога. Эти товарищи активно принимали участие в пропаганде, рассказывали об успехах Красной Армии на фронтах, о Катынском деле, о зверствах немцев и т.д. Они вечерами посещали бараки военнопленных и во время стрижки проводили агитационную работу. К Васе приходили в баню бриться переводчики, которые болтали про отдельные действия немцев как в лагере, так и на фронте. Он эти сведения сообщал нам, а мы распространяли среди военнопленных. Судьбу я их не знаю, но при эвакуации лагеря они были в общей колонне. Больше я этих товарищей не видел.

Бородин Евгений (на самом деле Бородинов Евдоким Васильевич, прим. автора), майор, начальник штаба 17 стрелкового полка, непосредственно мой начальник до плена, мы с ним воевали еще под Бородино. Он находился в бараке офицерского состава, мы с ним примерно 1–2 раза встречались в бане,

когда их приводили к нам. Я с ним подолгу старался разговаривать, он мне рассказывал, как военнопленных офицеров гестапо вербует в РОА. Но он всегда высмеивал гестапо и говорил, что мало охотников находилось идти в РОА, но все же находились.

Я ему подробно рассказывал все сведения, которыми мы располагали. Он очень был доволен этим и говорил, шутя, что политинформацию воспринял хорошо. Конечно, потом он информировал отдельных офицеров в бараке.

Когда мы ходили на кухню за баландой, то, проходя мимо барака, где содержали комиссаров и политработников, я видел политрука 5 роты 2 батальона 17 стрелкового полка Ильященко, о котором я писал раньше. Он был тяжело ранен. Мы только смотрели друг на друга, а сердца обливались кровью. При эвакуации лагеря я его не видел. После войны вел с ним переписку, но потом потерял. Он живет где-то в Саратовской области, что характерно, когда отмечали 150-летие Бородинской битвы Маршал Советского Союза тов. Рокоссовский в речи отмечал подвиг тов. Ильященко и приводил слова из книги о Великой Отечественной войне. Они, очевидно, знают, что этот герой жив, хорошо бы вспомнить и сделать публикацию про этого героя.

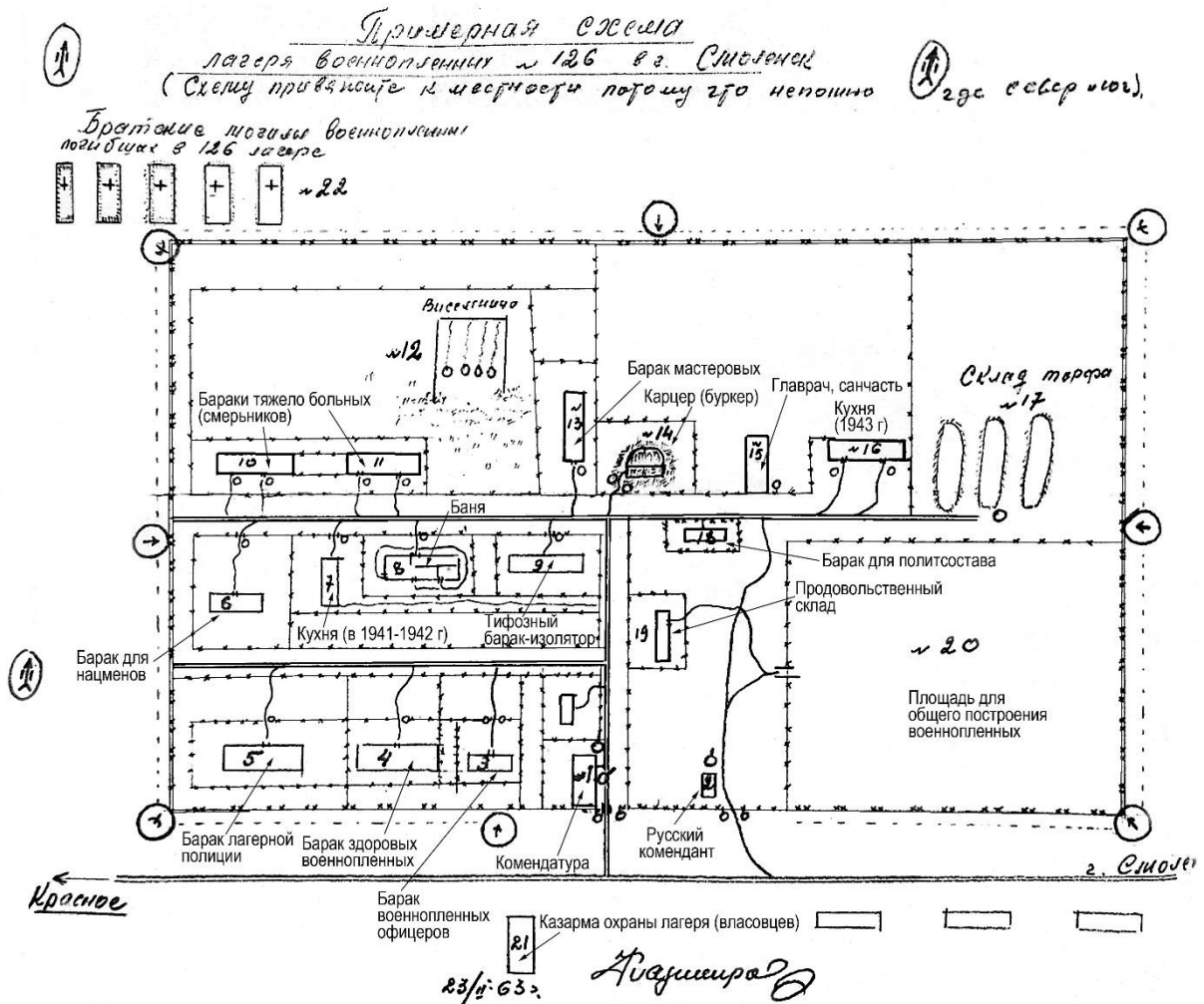
О себе я отдельно не пишу. Пусть обо мне напишут мои товарищи и друзья, с которыми мы вместе страдали в фашистском плену

Описание лагеря военнопленных

Лагерь военнопленных №126 представлял собой какие-то склады, немцы их переоборудовали, т.е. сделали нары и превратили все помещения в бараки, где и содержали военнопленных.

Режим в лагере был жестокий, все бараки были изолированы друг от друга, обнесены колючей проволокой в два, а то и в три кола. Все помещения были очень холодные, ветер гулял и продувал насквозь. Окон в бараках почти не было, как что круглые сутки темно. Для больных и тяжелораненых искусственно создавали условия, чтобы они быстрее умирали, т.е. фактически истребляли их. В бараках был страшный холод, сырость, темнота. Короче говоря, бараки, где лежали больные, назывались коробки-смерти.

Территория лагеря была огорожена колючей проволокой. Вокруг лагеря были установлены вышки, на которых стояли ручные и станковые пулеметы. Кроме этого, двигались патрули, вооруженные до зубов, и плюс еще собаки. Бараки стояли друг от друга примерно 20–50 метров. Я составил схему всего лагеря, возможно, кое-какие детали упущены, но общее представление можно получить.

План лагеря (добавлены названия объектов)

Прибывающие в лагерь военнопленные сначала попадали в сортировочный пункт, где немцы проводили предварительный отбор, т.е. отбирали здоровых и отправляли их в Германию и другие страны для работы. У входа в лагерь была немецкая комендатура и гестапо. Рядом находился русский комендант. От входа почти через весь лагерь шел центральный проход, огороженный колючей проволокой. Слева от входа недалеко от комендатуры находился барак военнопленных офицеров. Следом (левее) барак военнопленных, которые могли работать, здоровых. За ним, у юго-западной границы лагеря, был барак, где жила полиция, которая несла внутреннюю охрану.

Последним средним рядом у западной границы лагеря находился барак, где жили нацмены и где их гестапо вербовали в национальные батальоны. На площади у этого барака гестапо проводило богослужение и вербовало военнопленных в РОА к Власову.

Второй в среднем ряду, ближе к центру, в 1941-1942 годах была кухня, где варили баланду для военнопленных. От нее шел длинный коридор с колючей проволокой, по которому прогоняли дубинками военнопленных.

Следом за ней располагалась баня, в которой размещались санчасть,

котельная, дезкамера, прачечная, парикмахерская и жилье. Она положила начало по спасению военнопленных.

В среднем ряду у центрального прохода был барак-изолятор сыпного тифа, откуда больных отправляли в лагерь смерти.

В третьем ряду в двух крайних слева бараках находились тяжелобольные, у которых была дизентерия. Это был последний этап для военнопленного, откуда его отправляли в братскую могилу.

За этими бараками на площадке у северной границы лагеря была установлена виселица, на которой фашисты казнили четырех патриотов. В это время вывели всех военнопленных из бараков и построили на этой площади, чтобы все военнопленные видели это злодеяние немцев, т.е. запугивали.

В третьем ряду у центрального прохода находился барак, где жили и работали военнопленные-мастеровые: плотники, слесари, жестянщики, которые выпускали продукцию для лагеря. Здесь встретила жена с мужем, когда жену угоняли в Германию.

Рядом чуть правее центрального прохода находился бункер – бывшее хранилище горючего. Оно служило у фашистов для содержания «опасных» военнопленных, которые всеми средствами вели борьбу против немцев. Это последний этап патриотов, которых на рассвете выводили и расстреливали в балке в районе совхоза километра 3–4 от лагеря.

Еще правее находился барак, в котором жил главный врач лагеря и лежали больше медики и, кажется, полицейские.

Последним зданием в третьем ряду справа от прохода была кухня, где варили баланду для военнопленных и отдельно готовили для полиции. За ним у северо-восточной границы лагеря находились склады торфа, откуда мы брали топливо для бани и вели наблюдение за патриотами тов. Карповой и Аверченко.

Во втором ряду справа было единственное несторевающее здание – барак, где содержали комиссаров и политработников. Он был отделен от остальных, огорожен в 6–8 рядов колючей проволоки и туда доступа не было, сильная охрана вокруг. В баню и дезкамеру военнопленных комиссаров и политработников к нам не водили. Именно там я видел тов. Ильяшенко, политрука 5 стрелковой роты 2 батальона 17 стрелкового полка 32 стрелковой дивизии.

Еще ближе к входу справа от центрального прохода находился продовольственный склад для военнопленных. А за ним до самой западной границы лагеря – площадь, на которую немцы выгоняли военнопленных для распределения на работу. Здесь немцы вместе с полицией били военнопленных дубинками и пускали собак в действие. Изнуренные военнопленные по несколько часов стояли на морозе, под дождем, под снегом и под пронизывающим ветром. Это площадь кошмара и ужасов, которые устраивали гестаповцы.

На противоположной стороне дороги, проходившей рядом с лагерем,

находился дом, где жила охрана лагеря – власовцы, которые заменили немцев. За северной границей лагеря находились братские могилы военнопленных, в которых лежит около 80–100 тысяч замученных фашистами.

Лагерные порядки

У каждого военнопленного на верхней одежде были масляными красками написаны две буквы "SU". Большинство военнопленных носили деревянные башмаки, выдолбленные из дерева. Мы их называли «колодки». Администрация лагеря производили вербовку военнопленных для работы в полиции и для в РОА (Русской Освободительной Армии, «власовцев»). Кроме того, отбирали из военнопленных нацменов: казахов, узбеков, татар, калмыков и т.д. Поначалу они жили в отдельных бараках, их кормили с другой кухни, а потом из них начали формировать национальные батальоны, которые должны вести борьбу против партизан.

Происходило это так: главный гестаповец (фамилии его не помню) и два три немца перед баракком ставят стол и вызывают военнопленных по одному и начинается вербовка: добиваются, чтобы он дал согласие служить в национальном батальоне. Вся наша группа, когда те проходили через баню, мы их ругали, и агитировали, чтобы они не поступали в эти батальоны. Конечно, часть была завербована, а часть пришла в общие бараки военнопленных.

Нужно отметить, что среди военнопленных, которые находились в рабочем бараке и выходил на работу, были и офицеры. Эти товарищи старались всеми силами, чтобы их не отправили в Германию.

В лагере устраивали богослужение. Приглашали из города батюшку-священника, который устраивал по баракам церковные службы. Потом еще на площадь часть военнопленных ходила на богослужение. Этим немцы хотели доказать, что они святые люди и проявляют заботу о военнопленных, но охотников было мало слушать эти басни, потому что военнопленные уже давно убедились, что фашизм несет на самом деле. Нашей группе это был свежий материал для разъяснения военнопленным, в результате папа больше не приезжал служить.

Немцы постоянно запугивали военнопленных, построили виселицу и вскоре выстроили всех вокруг нее. На глазах у всего лагеря вывели из бункера четырех товарищей, одетых в гражданскую одежду, и подвели к виселице. Немцы зачитали приказ, где сообщилось, что эти товарищи – партизаны, и если кто из военнопленных совершит побег из лагеря, то также будет повешен. Накинули петли на шею каждому. Один сказал: «Прощайте, товарищи!», другой произнес: «Умираю во имя Родины!», а два товарища умерли молча. Выбили из-под ног скамейки, и эта четверка перед глазами всех военнопленных повисла на виселице. Они потом в течении 3-х дней висели. После этого большинство военнопленных поняли, что такое фашизм. Между

прочим, во время повешения присутствовала вся немецкая комендатура, вооруженная до зубов, очевидно, боялась.

Лагерная администрация выявляла среди военнопленных евреев. После их уводили в бункер, а утром расстреливали. Выявляли они так: когда пропускали военнопленных через баню и дезкамеру, приходил переводчик из комендатуры. Когда военнопленные разденутся, он обращал внимание на член, и сразу полиция забирала военнопленного, на кого укажет переводчик. Командование лагеря №126 я не знал, хорошо бы разыскать тов. Шацкого потому, что он вращался среди них и, конечно, мог бы дать характеристику каждому.

С немецкой стороны лагерь возглавлял гестаповец, фамилии я его не помню, но перед глазами и сейчас стоит эта мразь – среднего роста, толстый, это прожженный фашист. При обработке-беседах с военнопленными видимо многое обещал, и неустойчивые военнопленные попадали на удочку, но потом жестоко раскаивались.

Русского коменданта, возглавлявшего полицаяев, я его фамилии не знаю, но видел, что он ходил в синем кавалерийском пиджаке, кругом обшитый черным мехом.

Нашу баню с дезкамерой контролировал фельдфебель медицинской службы, он несколько раз выстраивал военнопленных, работающих в бане и прачечной и указывал пальцем, кого отправить в Германию, но благодаря тов. Шацкому и Мартыросяну Мише, нам удавалось отдельных товарищей под маркой больных отправлять в барак больных дизентерией. Я лично старался не попасть в строй, когда фельдфебель проверял, прятался в сливную яму бани.

Лагерная полиция и охрана

Внутри лагеря охрану несла полиция, у каждого в руках была резиновая дубинка. Полицайи и переводчики жестоко расправлялись с военнопленными, это на их совести лежит кошмар по уничтожению людей, они били и убивали военнопленных без всяких причин. Особенно полиция свирепствовала, когда военнопленные получали баланду из кухни, которая располагалась около бани и дезкамеры, и когда производили развод военнопленных на работу. Чтобы получить баланду, ты должен пройти через настоящий кошмар. Особенно тяжело было больным военнопленным. Они и так еле двигались, а их еще подгоняли ударами дубинок. Некоторые из них теряли сознание, падали, их сразу бросали в водопроводный люк вниз головой. Но когда немцы повесили четырех патриотов, то это очевидно подействовало и на полицию, уже они стали мягче, очевидно до сознания и им дошло.

Но некоторые полицайи и при этой казне показали свою жестокость. Помню, толстый полицай, когда повесили патриотов, подошел к каждому и стал своей массой тянуть книзу, чтобы ту же затянулась петля.

Внешнюю охрану лагеря несли немцы, весь лагерь был обнесен колючей

провоолокой в три-четыре кола. Примерно было построено двенадцать вышек, на которых установлены были ручные пулеметы. Кроме этого, по земле двигались немецкие часовые.

Примерно в конце января 1943 года немецкую охрану заменили русские из армии РОА, т.е. власовцы, так мы их называли. Плюс немцы рядом с лагерем устраивали зенитные орудия. Это они сделали для того, что советские летчики не бомбили немецкие зенитки, так как они находились близко около лагеря, т.е. прикрылись военнопленными. Но советские летчики бомбили правильно и точно по немецким зениткам.

Мы всегда при налете советской авиации выходили из бани и вели наблюдение, как наши соколы бомбили немецкие тылы, скопления эшелонов с военной техникой на железнодорожной станции.

Отправка на работы

В лагере было специальное место, где немцы вместе с полицией выводили из рабочих бараков здоровых, т.е. тех, кто двигался на ногах, и проводили распределение военнопленных на работу.

К этому времени приезжали и приходили немцы из разных частей, и брали кому сколько нужно военнопленных, затем вели их на работу. Это происходило так: в 6 часов утра военнопленных выгоняли из бараков, они получали по кружке баланды и выходили на плац, где происходило распределение на работу.

Дождь, снег, грязь, ветер пронизывала, полиция переводчики с собаками, немцы с автоматами и начинаются ужасы. Каждый военнопленный старался на работу попасть, потому что он там хоть покушает каких-нибудь объедков, и плюс еще что-нибудь из продуктов получит от населения. Полиция выстраивает военнопленных, строй ломается, тогда пускают в ход дубинки и собак. После распределения оставшихся военнопленных загоняют в бараки, и они ждут следующего дня.

Бомбежка лагеря

В отношении бомбежки лагеря военнопленных. Это было примерно в апреле 1942 года. Что характерно, после бомбежки немцы создали комиссию из немцев из городской комендатуры, полицаяв и военнопленных и стали расследовать на другой день (бомбили ночью примерно 23–24 час). Бомбы были мелкие, их бросили примерно 10 штук. В это время убили у нас тов. Новосибирского, друга Виктора (Пацана). Когда пришла комиссия к нашему бараку, мы здесь стали кричать и ругаться, что мы видели опознавательные знаки немецких самолетов и это немцы бомбили. Но они нас загнали в барак, а сами ходили все рассматривали воронки, а потом пустили слух, что это бомбили самолеты Красной Армии, но они потерпели крах с этой авантюрой.

Правда торжествовала, военнопленные убедились, что это была провокация.

Помощь подпольщиков

С тов. Аверченко Аней и Карповой Марией, о которых я писал выше, меня познакомил тов. Юрьев Алексей. Когда я с ними первый раз стал разговаривать, то они со слезами на глазах рассказывали об ужасах, которые творили немцы, на этом наш разговор и закончился.

Дней через 15–25 при помощи тов. Юрьева мне удалось с ним выйти в город. Я вновь встретился с этими женщинами, и объяснил, что они должны нам оказать помощь в сборе информации о том, когда прибывают немецкие части в город, как ведут себя немцы, делается ли облавы, куда двигаются воинские части немцев, что слышно в городе о партизанах.

Также сообщил, что нужно собирать продовольствие и передавать военнопленным, которые идут на работу в город и вести с ними разговоры. Кроме того, собирать листовки, которые сбрасывают советские летчики, и переправлять в лагерь военнопленных. В свою очередь, если им нужны медикаменты, мы будем доставать. Обратил их внимание, что по этим вопросам записей никаких не должно быть.

Они охотно согласились держать связь через Юрьева. Если срочно нужно передать какую-то новость, происшедшую в города, то мы с ними договорились так. Если хорошая новость, то они проходят по шоссе в нарядных платьях, а если что-то случилось, то они проходят в темных платьях. А мы будем вести наблюдение у торфа.

По этим сигналам тов. Юрьев кое-когда выходил в город и получал от них информацию и передавал нам, а мы рассказывали военнопленным. Они сообщали все новости, которые были в г. Смоленске в период оккупации, особенно, когда немцы пустили провокацию по Катынскому делу, а мы разъясняли это при помощи своих форм другим военнопленным.

Карпова М. и Аверченко А. собирали сведения о жестокости фашистов, которые расстреливали мирное население и сообщали нам, а мы в свою очередь рассказывали военнопленным. Был такой факт: недалеко от г. Смоленска, 5–8 км по направлению на Красный, была деревня, где жили цыгане и немцы их всех расстреляли, в том числе детей и стариков за то, что они оказывали помощь партизанам. В это время один фашист с ума сошел, он сам не выдержал такой жестокости, которые творили сами, т.е. грудных детей не расстреливали, а через колено ломали им позвоночники и бросали в яму.

Женщины срывали на квартире бежавших военнопленных, переодевали их и создавали условия, чтобы они могли пройти в партизаны или пройти фронт.

Нашей группе очень хотелось, чтобы они установили связь с партизанами, они обещали, но очевидно не получилось. Карпова М. и

Аверченко А. указали один адрес, там жила их подруга, Семенцова Мариэта¹. Как потом я узнал, эта женщина имела конспиративную квартиру, где могла несколько дней скрывать военнопленных, которые бежали из лагеря военнопленных №126. После чего их переправляли в партизанский отряд Дедушки.

Я с ней лично не встречался. Мы тов. Юрьевым один раз ходили на ту квартиру, но той женщины не было дома, а больше не представлялось возможности выйти в город.

Если разыскать тов. Чернокульского Костю, то он мог подробно рассказать, кого он отправлял по этому адресу из военнопленных т.к. именно он устраивал побег. Мне помнится, что тов. в пограничной фуражке прошел через эту квартиру, а также другие одиночки. После, когда освободили г. Смоленск, я встречался с тов. Карповой и Аверченко. Они мне рассказывали, что тов. Семенцова М. была схвачена гестапо и посажена в тюрьму, но вскоре Красная Армия освободила г. Смоленск и она была освобождена.

Нужно отметить мать и отца тов. Карповой Марии, которые также собирали информацию и передавали ее в лагерь военнопленных. И вообще, в том районе, где жили тов. Карпова и Аверченко, население было настроено патриотически. Я был в курсе событий и понимал, что работа боевых подруг не пропала даром.

Особенно они проявили инициативу по сбору сведений о Катынском деле, они нас подробно информировали об этой провокации, устроенной немцами. Когда немецкая армия была разгромлена под Сталинградом и под Курской дугой, то они передавали подробные сведения, что все войска немцев в г. Смоленске ходят в трауре, повесили головы, войска стали из города сматываться. Такие сведения помогали у военнопленных поднять дух и вселить уверенность в приходе Красной Армия в г. Смоленск.

Когда в сентябре 1943 году немцы стали производить эвакуацию военнопленных, я убежал из колонны и явился к Карповой М. и Аверченко А. (жили они в районе тюрьмы). Они меня переодели в гражданский костюм и вместе с ними я пошел в деревню к их родственникам, где они меня прятали от немцев в течении 3–4-х дней.

После освобождения деревни, в которой я находился, мы вернулись в город, но дом тов. Карповой уже был сожжен.

¹ М.С. Семенцова, беспартийная патриотка, работавшая до войны помощником директора рабочей столовой. Создала подпольную организацию, насчитывавшую до 40 человек. Основной своей задачей подпольщики считали вызволение из плена советских воинов. Они завязали тесные связи с подпольщиками лагеря № 126 и госпиталя военнопленных. Совместными усилиями им удалось вызволить из плена и переправить к партизанам Монастырадинского района около 200 советских воинов. В марте 1943 года с помощью подпольщиков бежали из лагеря 18 советских летчиков. В мае 1943 года при отправке в Германию из вагона убежало 57 советских офицеров. Необходимые им для пролома пола вагона инструменты были переданы в лагерь связными М.С. Семенцовой. (Л.В. Котов. В тылу группы армий «Центр». — В сб.: Герои подполья. Вып. 2. Изд. 3-е. М., 1972).

Побеги из лагеря

Когда строили баню с дезкамерой, воды в лагере не было, тов. Семеновский через тов. Шацкого организовали подвоз воды из искусственного озера (ямы), которая находилась 1–1,5 км от лагеря. Достали двуколку-бричку установили на ней 4–5 бочек. Дезинфекторы или строители бани, всего 8–12 человек, запрягались в эту бричку. С участием тов. Мартыросяна и Кости Чернокульского в бочки сажали 2–3 военнопленных и под командой Шацкого или Семеновского выезжали по воду из лагеря.

В районе озера выгружались, бочки заливали водой и возвращаемся обратно, Таких фактов было 3–4, но потом перед выездом назначали полицая, который сопровождал водовозов, очевидно фашисты догадались. Таким образом, этим методам было вывезено 8–10 человек военнопленных, но какая их судьба я не знаю.

Товарищ Желтухин, мне помнится, был в бригаде похоронного бюро т.е. вывозил мертвых военнопленных, на братские могилы, которые располагались за лагерем военнопленных (смотрите по схеме). Когда они выезжали без конвоя с трупами военнопленных, мы с тов. Чернокульским Костей провели работу с тов. Желтухиным и после этого он с четырьмя военнопленными выехали из лагеря и больше не вернулся. Но через 10-15 суток прошел слух, что тов. Желтухина поймали и вернули в лагерь военнопленных, но я его не видел и судьбу его не знаю.

В 1942 году в начале апреля попали в наш лагерь два военнопленных (фамилии не помню). Это были парашютисты, которых немцы взяли в плен при приземлении в районе г. Белый. Оба они из Воронежа, студенты. Звали их Витя и Миша. Одного оставили у нас в бане работать прачкой, а другого немцы поставили кладовщиком выдавать хлеб военнопленным. Он нам выдавал лишний хлеб, который мы разведали военнопленным, работающим в прачечной и бане.

В августе месяцев 1942 года тов. Мартыросян Миша устроил им побег. Что дальше было, не знаю.

Помогли мы бежать и французскому летчику, его имя, по-моему, Май, он был из эскадрильи «Нормандия», попал он в лагерь военнопленных №126 в мае 1943 года, его сбили где-то под г. Белым или Ржевом.

Попал он сразу к нам в баню, когда его запустили под душ и конвой остался в сухом отделении, мы все здесь наперебой стали его расспрашивать, об успехах Красной Армии и т.д., он некоторые слова говорил по-русски.

Позже Мартеросян Миша мне рассказывал, что он получил много сведения от этого летчика-француза, когда тот был у них в санчасти. Миша слабо владел французским языком, но объясняться мог. Французский летчик несколько раз приходил в санчасть и тов. Мартыросян с ним вел разговоры. После всех разговоров мы с тов. Мартеросяном договорились, чтобы французскому летчику устроить побег. За это дело взялся тов. Мартеросян, он

устроил этот побег, примерно в июне 1943 года. Но примерно через 10 дней французского летчика поймали и привели в лагерь, вскоре его куда-то увезли, но после этого фашисты взяли тов. Мартеросяна и, очевидно, расстреляли.

В отношении побега 18 летчиков и профессора Орлова. Это мне рассказал тов. Мартеросян Миша. Что тов. Семеновский В, когда строил баню в госпитале военнопленных, то организовал этот побег. Прорыли с котельной траншею, которая соединилась с водосточной канавой и по этой траншее ушли во главе с тов. Семеновским, но что дальше было я не знаю.

Как я бежал из лагеря

В сентябре 1943 года из города стали всех эвакуировать, в том числе и военнопленных. Колонна, в которой я находился, шла по центральной улице примерно напротив городской гостиницы. Крупные здания были разбиты. Навстречу двигалась какая-то немецкая воинская часть и нас прижали к тротуару. Я сразу Виктору (Пацану) отдал котелок и прыгнул в подвал разбитого дома. Конвой дал очередь из автомата в подвал, но пули прошли мимо меня. Я пролежал примерно минут 20–30, слышу, шума нет. Посмотрел из подвала – мирное население уходит из города. Вижу, одна женщина везет тачку и несет грудного ребенка. Я быстро выскочил, схватил у нее тачку и говорю ей, что убежал из плена, дайте возможность уйти от немцев. Она быстро сообразила и сказала: «Везите». И мы с ней прошли мимо немцев, которые стояли на перекрестках, примерно квартала три от тюрьмы. Я её поблагодарил и ушел к тов. Карповой и Аверченко, про которых писал выше.

После побега

После освобождения Смоленска Красной Армией, я попал в 48 полк резерва офицерского состава – хозяйство Бухмана. После проверки в составе 4 штурмового батальона воевал под г. Орша, где был ранен. После госпиталя командовал батальоном. При освобождении г. Минска был тяжело ранен, пролежал в госпитале 7 месяцев в г. Караганда. После госпиталя прибыл в г. Ростов-на-Дону в 60 полк резерва офицерского состава, где исполнял обязанности зам. командира полка.

В 1946 году я демобилизовался и работал инструктором-тренером по физическому воспитанию нашей молодежи. Сын закончил институт, инженер-энергетик работает в Сибири, дочь медицинский работник тоже работает в Сибири. Ну а мы с женой живем и трудимся в г. Шахты.

Вот как будто я вспомнил все то, что было 20 лет тому назад.

С большим приветом к вам (Казимиров)

Удивительная судьба М.М. Казимирова. Выжил вопреки всему. Выжил и стал победителем. Награжден орденами и медалями.

Он мог погибнуть в тяжелых боях на подступах к Москве. Прошел через вяземский лагерь, который позже стал печально известным Дулагом 184. Был пойман за подготовку к побегу, ждал расстрела в «бункере», но пронесло. Переболел сыпным тифом, валялся в бараке-изоляторе вместе с трупами, но выжил. Пробыл в лагере примерно полтора года, но все-таки смог сбежать. Бежал внаглую, посреди города. Но снова повезло, не заметили. Потом прошел проверку и направлен в штурмовой батальон. В тяжелейших боях под Оршей был ранен. В боях под Минском снова ранен, уже тяжело, но снова выжил, хоть 7 месяцев провел в госпитале. Вопреки всему выжил. Выжил и оставил нам послание. Чтобы помнили.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАНИСО Ф. Р-142, оп. 2, д. 554
2. Трагедия плена. Лагеря Смоленска в период гитлеровской оккупации. Край Смоленский, №9, сентябрь 2022 г.

THIS MUST NOT BE FORGOTTEN. MEMOIRS OF M. M. KAZIMIROV ABOUT THE SMOLENSK PRISONER OF WAR CAMPS

Amelin S. A.

The article examines the memoirs of former prisoner of war M. M. Kazimirov as a source of important information about the transfer camps of prisoners of war in Smolensk, about the life and lifestyle of prisoners of war, about the purpose of the facilities of the "Big" camp, about escapes and connections with underground fighters.

Key words: prisoners of war, Camp No. 126, "Big" camp, typhus, camp police, ROA, underground workers, escape.

Кафедра электроники и микросхемотехники филиала ФГБОУ ВО «НИУ
«МЭИ» в г. Смоленске
Поступила в редакцию 18.02.2025.